

ТРУДЫ ВОЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА
2017

ТРУДЫ

ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
РОССИИ

ТОМ ДВЕСТИ ЧЕТВЕРТЫЙ

МОСКВА
№2/2017

СОДЕРЖАНИЕ

21	НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ
22	Абалкинские чтения на тему «От кризиса к росту»
22	Д.Е. Сорокин
	Вступительное слово
24	А.Г. Аганбегян
	От кризиса к росту (к прогнозу Министерства экономического развития РФ до 2019 г. и Федеральному бюджету на 2017–2019 гг.)
35	С.Д. Бодрунов
	От кризиса — к экономическому росту: трехлетний бюджет, прогноз и реальность
40	Богоявленский В.И., Богоявленский И.В.
49	Состояние и стратегия развития нефтегазовой отрасли России
49	Р.С. Дзарасов
	Прогноз министерства экономического развития и бюджетное планирование
57	М.В. Еришов
	Потенциал стабилизации роста: большие неиспользуемые возможности
63	В.В. Ивантер
	Сегодняшние задачи российской макроэкономической политики
67	Т.С. Саркисян
	Цифровая безальтернативность
73	А.А. Широв
	Возможности ускорения экономического роста в среднесрочной перспективе
78	А.В. Мурычев
	Комментарий по теме
81	НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
	«Наследие Г.В. Плеханова и современность»
82	С.Д. Бодрунов
	Идейное наследие Г.В. Плеханова: ретроспектива и перспектива развития индустриального общества
93	Ю.В. Якутин
	Плеханов – марксист?
111	Р.С. Дзарасов
	Плеханов, Ленин и пути русской революции

- 121 **М.И. Воейков**
Экономическая предопределенность в истории: Г.В. Плеханов и современность
- 132 **В.А. Раевский**
От политизации и зашоренности экономических взглядов к компромиссу, отвечающему потребностям экономики
- 142 **Г.Н. Цаголов**
Сквозь призму времени. Марксист с особо человеческим лицом
- 153 **Г.Д. Гловели**
Трагифарс «плехановской ортодоксии» и драма российской европеизации
- 167 **АБАЛКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ: ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**
«Город трёх революций: к столетию российских революций XX века»
Аналитический материал по итогам конференции (подготовлен Н.Б. Лёгкой)
- 168 100 лет после Октября: осмысление уроков Великой русской революции
- 178 **Пленарное заседание Абалкинских чтений Всероссийской конференции «Город трех революций: к столетию российских революций XX века»**
- 179 **Д.Е. Сорокин**
Вступительно слово
- 181 **Ю.А. Петров**
Великая российская революция 1917 года: уроки истории
- 192 **С.Д. Бодрунов**
Великая русская революция 1905–1917 годов: уроки для современной России
- 203 **Г.Х. Попов**
Уроки 1917 для 2017
- 222 **Р.С. Гринберг**
Невыученные уроки Великой русской революций
- 230 **В.В. Козловский**
Цивилизационные эффекты российских революций
- 244 **Д.Е. Сорокин**
Заключительное слово
- 245 **Материалы секции на тему «Экономика России: фактор или жертва революций»**

- 246 **Д.Е. Сорокин**
Вступительно слово
- 248 **В.Т. Рязанов**
Российская экономика: сто лет спустя
- 259 **И.Н. Шапкин**
«Мобилизационная экономика» России и революция 1917 года
- 267 **Г.Н. Цаголов**
Революция и экономика
- 273 **А.И. Колганов**
Октябрьская революция: ожидаемая неудача или неожиданный успех?
- 279 **А.Е. Городецкий**
Государственное управление
в эпоху перемен
- 311 **Д.Ю. Миропольский**
Октябрьская революция: рождение азиатского способа
производства на индустриальной стадии
- 316 **Д.Е. Сорокин**
Заключительное слово
- 319 **КООРДИНАЦИОННЫЙ КЛУБ ВОЛЬНОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА РОССИИ**
- 322 **Материалы четвертой экспертной сессии
Координационного клуба ВЭО России**
- 323 **В.В. Ивантер**
Вступительное слово
- 327 **А.А. Широв**
Презентация доклада «Структурно-инвестиционная политика
в целях устойчивого роста и модернизации экономики»
- 337 **АНАЛИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ**
- 338 **Т.Г. Пыльнева, А.В. Грушевская, Д.С. Филимонов**
Кластер как инструмент оценки конкурентоспособности
социально-экономических систем
- 353 **Л.К. Астафьева, Р.М. Кундакян, Л.Ф. Зульфикарова**
Оценка банковского сектора Российской Федерации
- 366 **Р.М. Кундакян, Н.С. Григорьева, Л.Ф. Зульфикарова**
Современные тенденции использования института
импортозамещения на российском рынке информационных
технологий

- 380** *Р.М. Кундакян, Л.Ф. Зульфакарова*
Теоретико-методологические аспекты исследования влияния
кросс-культурных факторов на развитие экономики
- 392** *Э.А. Половкина, Е.А. Григорьева, Е.И. Кадочникова*
Статистическая оценка влияния организационных факторов
на производительность труда
- 408** *Ф.Ф. Адигамова, Ю.В. Акатьева*
Налог на добавленную стоимость в странах Таможенного союза
- 416** *Н.А. Харитонова, Е.Н. Харитонова*
Место и роль городов-кластеров в новой модели
экономического роста России
- 428** *А.В. Лавренова*
Формирование экономико-математической модели
рационального уровня запасов организации в современных
условиях
- 434** *Э.В. Маймина, А.А. Мигранян*
Центральная Азия между ЕАЭС и ЭПШП: национальные
интересы, перспективы и риски развития интеграционного
вектора
- 453** *А.В. Гридчина, Л.Н. Добрышина, Э.В. Маймина*
Проблемы и перспективы создания и внедрения
профессионального стандарта научного работника
- 462** *Л.А. Юнусов, Б.И. Файн*
Актуальные задачи тарифной политики в распределительном
электросетевом комплексе
- 478** *А.Ю. Манюшиц*
Первый независимый университет России: системная
инновация для страны и регионов (к 25-летию
Международного университета в Москве)
- 503** **ПОРТРЕТЫ УЧЕНЫХ**
- 504** К 60-летию А.В. Петрикова
- 506** К 65-летию А.Н. Шохина
- 509** Требования к научным статьям для публикации

НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

«НАСЛЕДИЕ Г.В. ПЛЕХАНОВА И СОВРЕМЕННОСТЬ»

12 декабря 2016 года в связи со 160-летием со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова в Российском экономическом университете имени Г.В. Плеханова состоялась научная конференция на тему «Наследие Г.В. Плеханова и современность».

Пленарное заседание приветственным словом открыл ректор РЭУ им. Г.В. Плеханова, член Президиума ВЭО России, д. э. н., профессор Гришин Виктор Иванович.

Модератором конференции выступил начальник Научно-исследовательского объединения, научный руководитель РЭУ им. Г.В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор С.Д. Валентей.

Конференция организована ВЭО России и РЭУ имени Г.В. Плеханова

ТРАГИФАРС «ПЛЕХАНОВСКОЙ ОРТОДОКСИИ» И ДРАМА РОССИЙСКОЙ ЕВРОПЕИЗАЦИИ TRAGICOMEDY OF “PLEKHANOV’S ORTHODOXY” AND DRAMA OF RUSSIAN EUROPEANISATION

Г.Д. ГЛОВЕЛИ

Заведующий Центром методологических
и историко-экономических проблем Института
экономики РАН, д. э. н., профессор

G. D. GLOVELI

Head of the Center for Methodological and
Historical-Economic Problems of the Institute of
Economics of the Russian Academy of Sciences,
PhD in Economics, Professor

АННОТАЦИЯ

В статье приводится обзор теоретического осмысления марксистских воззрений Плеханова в постреволюционный период. Отмечаются использования его авторитета различными политическими деятелями для достижения собственных целей и попытки искажения его воззрений в угоду режима. В статье упоминается о том, что обращение Плеханова к марксизму было обусловлено поиском реше-

ния проблемы формирования европейской классовой структуры, которая должна была повлечь за собой политическую европеизацию (которая бы способствовала свержению самодержавия и демократизации). На основе проанализированных исторических событий автор отмечает, что драматизм российской европеизации, за которую ратовал Плеханов, заключался в сопротивлении ей, а также в опасных плодах самой европеизации.

ABSTRACT

The article gives the survey on Plekhanov's theoretical understanding of Marxism during postrevolutionary period. It's noticed that his authority was used by several politicians for reaching their own goals and there were certain efforts to corrupt some of his ideas in order to please the regime. It is mentioned in the article that Plekhanov's appealing to Marxism was determined by the search for the solution of the problem of forming European class structure, which was supposed to lead to political europeanisation (which was aimed at helping with deposing the autocracy and democratization). Based on the analyzed historical events the author points out that the dramatic nature of Russian europeanisation, which was called for by Plekhanov, consists in its resistance and also dangerous outcomings of europeanisation itself.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Воззрения Плеханова, марксизм, европейская классовая структура, драматизм российской европеизации, опасность европеизации.

KEY WORDS

Plekhanov's views, Marxism, European class structure, the dramatic nature of Russian europeanisation, dangerous outcomings of europeanisation.

О трагедии Г.В. Плеханова как ортодоксального марксиста заговорили сразу после его смерти. Причем с диаметрально противоположных позиций. Одну выразил Председатель Реввоенсовета Л. Троцкий в траурной речи на заседании ВЦИКа: «Нет и не может быть большей трагедии для политического деятеля, который неустанно доказывал, в течение десятилетий, что русская революция может развиваться и прийти к победе лишь как революция рабочего класса, — не может быть большей трагедии для такого деятеля, как отказаться от участия в движении рабочего класса в самый ответственный исторический

период, в эпоху победоносной революции»¹. Другую — веховец А. Изгоев в сборнике «Из глубины»: «если Г.В. Плеханов пришел в искренний ужас, когда увидел на деле осуществление своих идей, если он проклял дела своих учеников, отшатнулся от них и умер забытый, покинутый и оплеванный русскими рабочими социал-демократами, то эта трагическая судьба крупного русского писателя свидетельствует о благородстве его характера и чистоте сердца, но вместе с тем заключает в себе и жесточайший приговор над всей его политической идеологией»².

«И перед раскрытой могилой Плеханова, — восклицал Троцкий, — мы остаемся верны своему знамени, не делаем никаких уступок Плеханову — соглашателю и националисту, не берем назад ни одного из ударов, которые наносили, не требуя и от противников, чтобы они щадили нас. Но в то же время сейчас, когда в наше сознание остро вошел тот факт, что Плеханова больше нет среди живых, мы ощущаем в себе, наряду с непримиримой революционной враждой ко всем тем, кто стоит поперек пути рабочего класса, достаточно идейной широты, чтобы вспомнить сейчас Плеханова не таким, против которого мы боролись со всей решительностью, а таким, у которого мы учились азбуке революционного марксизма. Мы, его ученики, живем и боремся под знаменем марксизма, под знаменем пролетарской революции».

Изгоев же (припоминая, что еще в «Вехах» его соавтор Б. Кистяковский приводил речь Плеханова на Втором съезде РСДРП как яркий пример низкого уровня правосознания русской интеллигенции³) настаивал, что в 1917 году большевики осуществили только то, чему Г.В. Плеханов учил их еще в 1903 году, а «бесспорно крупнейший» из русских социал-демократов «искренно во всю свою жизнь не мог понять основной лжи своих взглядов, приведшей его партию к таким бессмысленным и позорным поступкам». Ведь на том самом Втором съезде РСДРП Плеханов допускал разгон всенародно избранного парламента «если можно, через две недели», если бы выборы оказались неудачными для социал-демократов: «Успех революции — высший закон. И если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы остановиться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего изби-

¹ Троцкий Л. Памяти Плеханова // https://www.marxists.org/russkij/trotsky/1926/historical_boundary/17.htm

² Изгоев А. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 161–162.

³ Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: 1909. С. 112–113.

рательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии». Прочитывая эти «откровения Г.В. Плеханова», Изгоев заключил, что для большевиков оказалось возможным разогнать Учредительное собрание не через две недели, а через день.

Еще раз тень Плеханова «столкнула» Троцкого и Изгоева в 1922 году, когда один напутствовал первый номер журнала «Под знаменем марксизма» (посвященный именно Плеханову!), а другой был выслан из Советской России на «философском пароходе» после того, как в следующем номере этого журнала появилась статья Председателя Совнаркома В. Ульянова-Ленина «О значении воинствующего материализма». «Воинствующий материализм» (*Materialismus militans*) был главным из отточенных Плехановым «копий», которым Ульянов-Ленин и Троцкий придавали исключительно важное значение в «железном инвентаре рабочего класса», ибо «нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы не изучать — именно изучать — все написанное Плехановым по философии, ибо это лучшее во всей международной литературе марксизма¹» (почему в 1917 году «лучший» из философов-марксистов «учения марксизма о государстве совершенно не понял²», Ленин умолчал).

Руководить изучением марксистской философии, а точнее, насаждением «плехановской ортодоксии», было по решению В. Ульянова-Ленина доверено ученику Плеханова бывшему меньшевику А. Деборину. В том самом первом номере журнала «Под знаменем марксизма» Деборин возвестил, что «в лице Плеханова русская действительность в целом осознала самое себя», поскольку Плеханов «открыл в России город, капитализм и рабочий класс». Со страниц редактируемого Дебориным журнала копия «плехановской ортодоксии» летели в «еретиков» и «идеалистов», особенно в тех, которые никак не хотели считаться с плехановским положением, что указанный диалектикой Гегеля путь исследований «есть именно тот путь, следуя которому наука нашего времени, — например, естествознание, — сделала самые блестящие свои теоретические приобретения»³.

Задетый напором плехановцев-ортодоксов, мнивших диалектический метод универсальным и непогрешимым критерием философской и научной истины, с острополемической запиской против

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 42. С. 290.

² Там же. Том 31. С. 139.

³ Плеханов Г.В. Сант против Канта // Плеханов Г.В. Избр. филос. произведения. Том 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 381.

навязывания естествознанию «пережитка гегельянства, который отходит все дальше и дальше в историю», выступил тогда В.И. Вернадский¹. И на знаменитых выборах 1929 года в Академию наук СССР Деборина забаллотировали, но затем со скандалом протолкнули по партийному списку². Однако главный плехановец-ортодокс метил уже выше — в письме к достигшему полновластия генсеку Сталину он предложил тому содружество наподобие великого содружества Маркса и Энгельса³. И вскоре на одном совещании в Кремле новый Председатель Совнаркома Молотов как бы мимоходом заметил, что академик Деборин «воображает себя Энгельсом на советской земле». А затем школа ярых ревнителей «плехановской ортодоксии», или «диалектического материализма», была разгромлена как «меньшевистствующий идеализм» застрявших на позициях Плеханова; проглядевших ленинский этап в развитии марксизма, предпочитавших вместо Маркса и Ленина цитировать Гегеля и Плеханова и т.п. Сикофантов Сталина на «философском фронте» возглавил Митин (один из самых бездарных учеников Деборина, как сам Деборин был одним из самых бездарных учеников Плеханова). Про «плехановскую ортодоксию» сразу забыли, хотя рожденный ею «диамат» остался надолго.

В оценках деятельности самого Плеханова с того времени стало обязательным делать упор на ее последний, «меньшевистский», неленинский этап. Впрочем, не следует преувеличивать посмертной опалы «отца русского марксизма» в годы, когда самой распространенной марксистской книгой была «История ВКП(б). Краткий курс», отредактированная «отцом народов». Кстати, именно с Плеханова (!) начал перечень великих деятелей русской нации Верховный Главнокомандующий Сталин в своей речи на заседании Моссовета⁴ накануне военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года. А сразу после XX съезда КПСС началось издание нового, пусть и неполного, но весьма внушительного собрания сочинений Плеханова по случаю столетия со дня его рождения (в 5 томах, 1956–1960). Многократно подчеркивалось, что Плеханов первым указал на историческую мис-

¹ Вернадский В.И. Записка о выборе члена Академии по отделу философских наук // Коммунист. 1988. № 18. С. 71.

² Переченок Ф. Академия наук на «великом переломе» // Звенья: Исторический альманах. Вып. 1. М., 1991. С. 182–183.

³ Некрич А. Отрешись от страха. Воспоминания историка. Overseas Publications Intershance LTD, 1979. С. 18. http://www.vtoraya-literatura.com/pdf/nekrich_otreshis_ot_strakha_1979_text.pdf

⁴ Сталин И.В. Сочинения. — Т. 15. М.: Писатель, 1997. С. 79. // http://grachev62.narod.ru/stalin/t15/t15_13.htm#r4

сию рабочего класса России и открыл тем самым новую страницу в русской экономической мысли¹.

Однако к столетию с тех пор, как Г.В. Плеханов провозвестил пролетариат классом, коему суждена «наиболее европейская роль в русской политической жизни», учение об исторической миссии рабочего класса было низведено в СССР до уровня господствующей «общеоморальной» концепции типа той, о которой писал А. Грамши: «устарела, распалась на составные части, стала лицемерно-формальной, но пытается насильственным образом сохранить прежнюю силу воздействия на умы, вынуждая общество жить двойной жизнью; периоды моральной распушенности и разложения как раз отражают реакцию на лицемерие и двуличие — реакцию, принимающую крайние формы»². В этих крайних формах задули новые ветры идеологической и политической ангажированности — от почвенничества и клерикализма до «приоритета общечеловеческих ценностей», скрывавшего план системоточцев: «авторитетом Ленина ударить по Сталину... в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще»³.

Удары достигли цели, проторив дорогу скороспелой «либерально-западнической глоскратии»⁴ конца XX века, не оставившей стране иного выбора, кроме как между чубандитским капитализмом и «последними свободными выборами» (в пользу первого). Но бесславная дефолтация режима первоначального накопления олигархического капитала инспирировала запрос на очередные идейные и политические эксгумации. И XX веку напоследок было угодно увенчать трагедию Плеханова фальсифицированным «Политическим завещанием Плеханова», проводящим через чело первого крестоносца русского марксизма ревизионистскую, чуть ли не бадгодесбергскую или даже постиндустриалистскую, борозду.

Сведущие в наследии Плеханова — надо отдать им должное — без промедления выступили против подложного текста, из которого «явствует, что перед смертью Плеханов «прозрел» и из революционера, каким он был на протяжении сорока с лишним лет своей жизни,

¹ Напр.: История русской экономической мысли. Под ред. А.И. Пашкова. Том II. Ч. 2. М.: Госполитиздат. 1960. С. 230.

² Грамши А. Избранные произведения. М.: Политиздат, 1980. С. 327.

³ Яковлев А.Н. Большевизм — социальная болезнь XX века // Чёрная книга коммунизма. Пер. с франц. М., 2001. С. 14

⁴ Т.е. пребыванию у власти (греч. «кратос») Группы Лиц, Именовавших Себя Реформаторами.

стал чистым эволюционистом бернштейнианского толка»¹. Несведущие обрадовались тому, что скептический автор порицавшего Октябрьский переворот «Открытого письма к петроградским рабочим», оказывается, «гениально предвидел», что «XX век — век великих открытий, век просвещения и стремительной гуманизации отвергнет и осудит большевизм».

Это уже не трагедия, а трагифарс в духе постмодернистской философии, где симулякр-подлог («Политическое завещание Плеханова») — репрезентация на самом деле не существующего — грозит перейти в симулякр более «высокого» порядка (знак, не скрывающий, что оригинал не важен) — стерилизованный образ Плеханова, который якобы и «никогда не был ни ортодоксальным марксистом», а на смертном одре сделал-таки правильный выбор и покаялся в своей «главной, непростительной ошибке» — Ленине. И оказался пророком не в смысле «монистического взгляда на историю»² и трагедии русской интеллигенции³, а в смысле фарса «постсоветской» политико-идеологической «плюралистической» конъюнктуры.

Было высказано мнение, что анализировать отдельные конъюнктурные пассажи «Завещания» смысла нет. Позволим себе не согласиться и остановимся на некоторых из них — как по части партийного прошлого Плеханова, так и по части «прогнозов».

Прежде всего в духе культового подхода Плеханов и Ленин возвышаются в «Завещании» над всеми остальными российскими социал-демократами (включая Троцкого, который в последний год жизни Плеханова представлялся и изнутри, и извне большевизма фигурой не меньшего масштаба, чем Ленин), и явно гипертрофируется значение все того же Второго съезда РСДРП, а «Плеханов» берет на себя акушерскую ответственность за рождение большевизма. Между тем «большинство», достигнутое Лениным на этом съезде, было быстро сведено на нет Троцким и Мартовым, и лишь появление в заграничных колониях РСДРП новых фигур — Богданова и Луначарского, а затем деятельность Богданова в России как организатора Третьего партийного съезда (1905) привели к самоопределению большевизма.

¹ Петренко Е., Филимонова Т., Тютюкин С., Чернобаев А. Существовало ли «Завещание»? // Независимая газета, 04.03. 2000 // http://www.ng.ru/ideas/2000-03-04/8_existance.html

² «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю» (1895) — едва ли не самое знаменитое плехановское сочинение, на котором, по словам Ульянова-Ленина, «воспиталось целое поколение русских марксистов».

³ «Плеханов оказался пророком: рабочий был той точкой опоры, куда должен быть приложен революционный рычаг» (Федотов Г.П. Трагедия интеллигенции (1924) // Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2 т. СПб., 1991. Т. 1. С. 95.

«Плеханов» обвиняет Ленина в том, что тот «ловко манипулирует цитатами Маркса и Энгельса, зачастую давая им совершенно иное толкование». А реальный Плеханов? Он, пожалуй, действительно был «последовательным марксистом-диалектиком», да вот только, метая копы материалистической «ортодоксии» в ревизионистов-кантианцев, сам придерживался устарелого и вполне кантианского определения материи как «вещи в себе». Твердолобый Деборин пошел еще дальше, заявив, что требовать от материалиста определения «вещи в себе» все равно, что «требовать от теолога объяснения относительно причины его бога». Но проблема была в том, что второй из знаменитых «Тезисов о Фейербахе», всеми марксистами признаваемых за краеугольный мировоззренческий камень, выносил «вещь в себе» за рамки «вопроса о том, обладает ли человеческое мышление предметной истинностью». Это и утверждал в полемике с плехановской школой энциклопедист Богданов, доказывая, что «великая научно-техническая революция, которая идет на наших глазах»¹, в категории «вещь в себе» не нуждается. А затем Богданов выяснил факт «совершенно беспримерный»: Плеханов *нарочито неверно* перевел на русский язык второй из «Тезисов о Фейербахе», чтобы отождествить позицию Маркса со своей собственной. Вместо «практикой должен доказать человек истинность, т.е. действительность и мощь, по-сю-сторонность своего мышления» переводчик Плеханов прибавил от себя отрицание «не», и получилась цитата в пользу философа Плеханова: «Практикой должен доказать человек истину своего мышления, т.е. доказать, что оно имеет действительную силу и не останавливается по сю сторону явлений»².

Прервем на этом разговор о манипулировании цитатами Маркса и обратимся к «прогнозам» из «Завещания». Выделим два, будто бы сделанных Плехановым в 1918 году.

«Я допускаю мысль, что Ленин, опираясь на тотальный террор, выйдет победителем из Гражданской войны, к которой так упорно стремится. В этом случае большевистская Россия окажется в политико-экономической изоляции и неизбежно превратится в военный лагерь, где граждан будут пугать империализмом и кормить обещаниями».

«Каждый человек, владеющий законом отрицания отрицания, может легко прийти к выводу, что роль политической надстройки

¹ Богданов А.А. Приключения одной философской школы. СПб.: Издание тов-ва «Знание», 1908. С. 66.

² Там же. С. 19. Богданов А.А. Вера и наука // Вопросы философии. 1991. № 12. С. 79–80.

циклически меняется от формации к формации, то усиливаясь, то ослабевая. Всеми признается, что роль политической надстройки при социализме должна существенно возрасти, поскольку государство берет на себя дополнительные регулирующие функции: планирование, контроль, распределение и прочее. В этом смысле политическая надстройка при социализме, отрицающая капиталистическую, будет больше похожа на надстройку монархического феодализма, чем капитализма. А это грозит тем, что в отсутствие демократии — а ее, как уже отмечалось, при ленинском социализме не будет, — при низкой культуре и самосознании масс государство может превратиться в феода более страшного, чем монарх, потому что последний все-таки человек, тогда как государство — безликая и бездушная машина. Убежден: именно таким феодалом окажется ленинское социалистическое государство, особенно в первые десятилетия».

Апостериори «строительства социализма» в России эти слова выглядят убедительно. Но так ли они «уникальны», даже если допустить, что были в самом деле продиктованы Плехановым? Сравните (обращая внимание на даты!):

«Не грозит ли Европе, одновременно с промышленным развитием, регресс нравственный и умственный, одичание нравов, понижение человеческого типа, ограничение свободы, процветание которой не может быть совместимо с превращением страны в военный лагерь?» (1895).

«Даже там, где социализм удержится и выйдет победителем, его характер будет глубоко и надолго искажен многими годами осадного положения, необходимого террора и военщины, с неизбежным последствием — варварским патриотизмом» (1908).

«В странах, где значительная часть чиновничьей интеллигенции связана с помещичьим сословием или тяготеет к нему, одну из таких модернизаций часто называют «государственным социализмом». Впрочем, правильнее было бы назвать ее «бюрократическим социализмом»: производство и распределение, организованное иерархией чиновников с патриархально-моральной монархической властью во главе, — нечто среднее между идеалом технической интеллигенции и феодально-сословным» (1917).

Первая цитата взята из «Очерков теоретической экономии» (1895) В.П. Воронцова, автора, который ввел в русский словесный обиход понятие «капитализм». Две других — из работ уже не раз упомянутого А.А. Богданова (утопии «Красная звезда» и главного труда «Всеобщая организационная наука: Тектология»). В контексте истории русского марксизма эти авторы особенно интересны тем, что

их *ожесточенно третировали* — первого как «легального народника», второго как «ревизиониста-махиста» — и меньшевик Плеханов, и большевик «Вл. Ильин» (Ульянов-Ленин).

Между тем именно бывший большевик Богданов, которого философ Плеханов сравнивал с охотничьей «дичью», с «бестией», подлежащей уничтожению¹, может быть с не меньшим основанием, чем бывший кадет Вернадский, назван российским «пророком атомного века». Ведь он писал еще в 1918 году (!):

«Работа над электричеством и производными от него явлениями открыла еще несравненно более грандиозные перспективы: внутри-атомную энергию. Оказалось, что под метафизически неподвижной оболочкой химических элементов скрывается самое напряженное движение и вечное разрушение. В поле труда, но пока вне его власти находятся количества сил, в миллиарды раз превосходящие те, которые были найдены раньше. Перед научной техникой выступает задача, наиболее революционная из всех, которые когда-либо ею ставились.

Можно с уверенностью сказать, что сколько-нибудь полного разрешения этой задачи не достигнуть нынешнему, анархически раздробленному человечеству. Но даже очень частичное разрешение ее само по себе повело бы к преобразованию всей социальной организации: оно должно дать в руки людям такие гигантские и грозные силы, которые необходимо требуют контроля общечеловеческого коллектива, иначе они могут оказаться губельны для всей жизни на Земле»².

А Воронцов, умерший в том же году, что и Плеханов, но в противоположность тому, прочно забытый (после его смерти в XX веке лишь дважды, и то в антологиях, печатались отдельные главы его книг), еще в конце XIX века понимал кое-что из того, чего не поняли ни тогда Плеханов, ни те, кто в конце XX века сочинил «завещание Плеханова». А именно: включение отсталой страны в мировой капиталистический рынок угрожает продолжением экстенсивной деформации структуры народного хозяйства³ и зависимостью от передовых наций, которые вынуждают отсталые к распространению аграрно-сырьевой деятельности больше, чем тем нужно самим⁴.

Значит ли все вышесказанное, что следует перечеркнуть наследие Плеханова, как когда-то перечеркнули «плехановскую ортодоксию»,

¹ Богданов А.А. Тектология: Всеобщая организационная наука. М.: Международный Институт А. Богданова М., 2003. С. 420.

² Богданов А.А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 7–8.

³ Подробнее см.: Гловели Г.Д. Геополитическая экономика в России: от дискуссий о самобытности к глобальным моделям. СПб.: Алетейя, 2009. С. 62.

⁴ Воронцов В.П. Экономика и капитализм. Избр. сочинения. М.: Астрель. 2008. С. 760.

как «плехановские ортодоксы» и позднейшие маратели перечеркивали наследие Богданова¹, Воронцова и других²? Отнюдь нет.

«Не мне защищать память Плеханова — писал травимый деборинской сворой «ортодоксов» Богданов, — но я не забыл того, чем обязаны ему первые поколения русских работников научного социализма»³. Хотя ныне «русских работников научного социализма» поискать надо, следует принять во внимание, что для Плеханова обращение к марксизму было обусловлено не только поиском опоры в революционной борьбе с самодержавием, но и еще более масштабной проблемой *европеизации России*. И в этом контексте, если не заикливаться на привычном (пусть и с разным знаком) «лениноцентризме», можно увидеть актуальные ракурсы за плехановской полемикой «ближнего прицела» все с теми же Богдановым и Воронцовым, упускаемые до сих пор всей историографией.

Плеханов и другие русские марксисты конца XIX века (от Струве до Ульянова-Ленина) в дебатах с Воронцовым и другими стареющими народниками настаивали на неотвратимости и прогрессивности капитализма для экономической европеизации и «роста национальных производительных сил» России. «Неомарксисты» (так их тогда называли) ожидали, что с развитием капитализма на «самобытной» почве Русской Азии впервые сформируется *европейская классовая структура*, которая повлечет и политическую европеизацию — свержение самодержавия и демократизацию.

Плеханов был наиболее последовательным в трактовке азиатской природы русской государственности. Он использовал наработки школ русской историографии — государственно-юридической (Чичерин, Соловьев, Ключевский) и федералистской (Костомаров, Шапов, Мечников) — и опирался на формационный подход — включая тезис Маркса об «азиатском способе производства». Согласно плехановской трактовке «азиатизация» России выразилась в закреплении не только низшего (крестьянского), но и высшего (служилого) сословия и достигла кульминации в конце XVII века, «когда в передовых странах

¹ Именно недостойный автор биографии Плеханова в серии ЖЗЛ, будучи функционером ЦК КПСС и редактором журнала «Философские науки», яро тормозил в свое время (1960–70-е гг.) признание Тектологии («всеобщей организационной науки») Богданова как ранней версии кибернетики и общей теории систем.

² Назову одного автора, интересного в том числе и тем, что во время создания своего главного труда — «Закономерность аграрной эволюции» — он был библиотекарем и потом приват-доцентом Московского коммерческого (будущего Плехановского) института — Н.П. Огановского. Мои усилия привлечь внимание к этому экономисту как к выдающейся фигуре русской эволюционной и институциональной экономической мысли пока не увенчались особым успехом.

³ Богданов А.А. Тектология, с. 421.

европейского Запада быстро исчезали последние остатки крепостного права»¹. «Москва была своего рода Китаем, но этот Китай находился не в Азии, а в Европе»²; всеобщее закрепощение создавало основу для азиатской деспотии.

Соседство и военное превосходство Запада подтолкнули страну к повороту на «путь общеевропейского развития», хотя этот поворот был весьма медленным. Долгое время европеизировалось лишь раскрепостившее себя благодаря гвардии дворянство; реформа 1861 года была проведена самодержавным государством, вынужденным к тому же преодолевать сопротивление дворянства. Эта реформа «сильно отзывалась Азией» и потому к сколько-нибудь последовательной европеизации русского крестьянства не привела. По выводам Плеханова, русское крестьянство оставалось в большей степени классом азиатского, чем европейского общества, тогда как появление русской промышленной буржуазии и ее спутника-антагониста — пролетариата — было экономически и политически обнадеживающей тенденцией европеизации и подрыва самодержавия. Поэтому столь убежденно Плеханов и другие «неомарксисты» третировали легальное народничество, считавшее возможным в России избежать «пролетаризации» народных масс и отказаться от борьбы за политические свободы.

В ближнем прицеле марксисты оказались точнее: Россия втянулась густыми побегими в мировое капиталистическое хозяйство. Плеханов с удовлетворением констатировал: «Обезнародив» часть трудящегося населения России, капитализм впервые обеспечил прочную общественную поддержку передовым стремлениям, проникавшим с Запада в Россию»³. Но вместе с тем и гораздо быстрее подвигалась внешнеторговая и долговая зависимость России от Европы, ускоренно превращавшейся, как предупреждал народник Воронцов, в военный лагерь, с «резким противоречием между мыслями и речами цивилизованных обществ, заключающими развитие идей международной солидарности, и практикой тех же обществ, принимающих все меры к тому, чтобы разъединить народы, чтобы поставить их друг против друга на ножи»⁴. Если бы только «на ножи» — капитализм начала XX века настолько преуспел в преимущественном росте производства вооружений, что столкновение «передовых» промышленных

¹ Плеханов Г.В. История русской общественной мысли // Плеханов Г.В. Сочинения. Том XX. М. — Л.: Госиздат, 1925. С. 118.

² Плеханов Г.В. На русские темы // Плеханов Г.В. Сочинения. Том III. М. — Л.: Госиздат, 1923. С. 74.

³ Плеханов Г.В. Сочинения. Том XX. С. 125.

⁴ Воронцов В.П. Экономика и капитализм. С.502.

держав стало самоубийственной катастрофой для буржуазной Европы и особенно для европеизировавшейся «России, кровью умытой»¹.

Односторонней и весьма упрощенной оказалась и ретроспективная часть концепции европеизации, сводимой Плехановым к «двум процессам, параллельных один другому, но направленных в обратные стороны: закрепощение крестьян доходит у нас до апогея в тот самый период, когда оно исчезает на Западе. Этим еще более увеличивает-ся разница положения русского крестьянина с положением западного»². Но, во-первых, ведь и сам Плеханов отмечал, что апогея русское крепостное право достигло после западных петровских реформ. Во-вторых, говоря о Западе, Плеханов подразумевал лишь часть Европы, куда не попадало большинство земель Германии (восточных и южных), а также Речь Посполитая, Венгрия и др. И в-третьих, Плеханов проигнорировал исследование о «вторичном закрепощении крестьянства» крестьянства в этих странах не кого-нибудь, а старика Энгельса³.

«В длинный промежуток времени от Петра до генерала Киселева, — писал Плеханов, — положение русского крестьянина все более и более приближалось к положению низшего, поработанного класса восточных деспотий»⁴. Но, с одной стороны, такое «приближение» происходило вместе с послепетровским «приближением» к Западу. А, с другой стороны, несмотря на огромную власть русского помещика, положение русского крестьянина в конце XVIII века, по свидетельствам *европейцев*, было явно лучшим сравнительно с крестьянином польским, литовским или остзейским, вероятно, и с крестьянином прусским или австрийским⁵. «Европеизация» была противоречива, как и развитие Европы, и, перефразируя знаменитую антинародническую фразу о страданиях «не столько от капитализма, сколько от недостаточного его развития», можно сказать, что драматизм российской европеизации, за которую ратовал Плеханов в своей борьбе и с самодержавием, и с народничеством, а позднее — в своей критике ленинизма, заключался не только в сопротивлении европеизации, но и в опасных плодах самой европеизации.

¹ Заглавие романа писателя-большевика Артема Веселого (Н. Кочкурова).

² Плеханов Г.В. Сочинения. Том XX. С. 118.

³ Энгельс Ф. Марка // Маркс К. и Энгельс Ф., Соч., 2 изд. Том 19; Энгельс Ф. К истории прусского крестьянства // Там же. Том 21. Современное освещение «второго издания крепостничества» см. в: Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. Игры обмена. М.: Прогресс, 1988. С. 259–265. Дидерикс Г.А. и др. От аграрного общества к «государству всеобщего благосостояния». М.: РОССПЭН, 1998. С. 75–79. Гловели Г.Д. Экономическая история. М.: Юрайт, 2014. С. 223–225.

⁴ Плеханов Г.В. Сочинения. Том XX. С. 117.

⁵ Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. М.: РОССПЭН, 1998. С.131.

Частью драмы российской европеизации был и эпизод с пресловутым «махизмом» (эмпириокритицизмом), сыгравшим свою роль в разрешении кризиса европейской науки на рубеже XIX–XX вв., но, вопреки мнению А. Богданова, не ставшим философией, адекватной «новейшему естествознанию». Философ-естествоиспытатель Э. Мах подверг критике абсолюты классической физики, но создатели новой физики, в свою очередь, подвергли критике философию Маха¹. Однако этого «отрицания отрицания» не могли увидеть и оценить «воинствующие материалисты-диалектики» меньшевик Плеханов и большевик «Вл. Ильин» (Ульянов-Ленин), недостаточно сведущие в естествознании, поглощенные внутрипартийной борьбой и озлобленные «евангелием от Анатолия» Луначарского, дописавшегося в «богостроительском» заскоке (Богданов здесь не при чем) до объявления марксизма «пятой великой религией, провозглашенной иудейством». Энциклопедист-утопист Богданов был обвинен в «ревизионизме», замешенном на «реакционной философии», тогда как хотел на новом витке европеизации разрешить проблему, которую поставили Маркс (развитие общества как «естественноисторический процесс») и Энгельс (подготовка «нового поколения производителей»), но которой пренебрег ревизионист Бернштейн, отвергавший задачу совмещения социалистических идеалов с естественнонаучной картиной мира (и потому само понятие «научного социализма»).

Плеханов, несомненно, был крупным, знаковым явлением русской общественной мысли и стал он таковым как ортодоксальный марксист. И уроки из его трагической судьбы как теоретика и политика еще могут быть ценными и с точки зрения общественной науки, и как катарсис. (Кстати, в 1918 году назвать XX век «веком просвещения и стремительной гуманизации» значило проявить редкостную нравственно-политическую глухоту — мировая война заставила говорить и стонать о «закате» и «крушении гуманизма» — достаточно вспомнить О. Шпенглера в Европе и А. Блока в России.) Проблема понимания общества как «естественноисторического процесса» и правомерности такого понимания не утратила актуальности. А драма российской европеизации продолжается. Но чтобы судить о ней с высоты науки и катарсиса, не надо опускаться до трагифарсов «плехановской ортодоксии» и симулякров.

¹ Холтон Дж. Мах, Эйнштейн и поиски реальности // Холтон Дж. Тематический анализ науки. М.: Прогресс, 1981. Планк М. Позитивизм и реальный внешний мир // Вопросы философии. 1998. № 3.